

КАК РАБОТАЕТ ПАМЯТЬ В ГОРОДЕ

Turkina V. G.,
Antonova E. L.

Belgorod state institute of arts and culture

HOW MEMORY WORKS IN THE CITY

Аннотация

Функционирование реального города как объекта культурного производства всегда опосредовано символическими практиками самоидентификации населяющих его горожан. На примере города можно сформулировать различные парадигмы воображения, которые не зависят просто от сдвигов в исторической поэтике. Город выступает частью национального символического нарратива и места памяти. В статье анализируются практики коммеморации в отношении города.

Abstract

The Functioning of a real city as an object of cultural production is always mediated by symbolic practices of self-identification of the citizens inhabiting it. On the example of the city, it is possible to formulate various paradigms of imagination that do not depend simply on shifts in historical poetics. The city is part of the national symbolic narrative and a place of remembrance. The article analyzes the practices of commemoration in relation to the city.

Ключевые слова: город, память, места памяти, коммеморация историческая память, коллективная память, культурная память, символ, ритуал, символический нарратив

Keywords: city, memory, places of memory, commemoration historical memory, collective memory, cultural memory, symbol, ritual, symbolic narrative

На рубеже XIX -XX веков предпринимались многочисленные попытки определить сущностные характеристики города – что составляет его «городскость». Начиная с «города» Макса Вебера, социологи, антропологи, историки культуры и литературоведы предложили ряд определений города как физического и культурного феномена, а не просто синонима цивилизации, как это было сделано Аристотелем: «за пределами полиса никто не является по-настоящему человеком».

Восприятие городов в истории и литературе есть часть национальной памяти, мощный символический нарратив национальной идентичности. Города также являются предметом широко разветвленных литературных тем, топонимов и интертекстуальностей. Как в культурном, так и в литературном плане они сливаются в национальные мифы, которые занимают центральное место в коллективном национальном опыте и определяются явным и неявным противостоянием друг другу.

В ряде случаев в европейской культуре можно также говорить о символических и мифических построениях одного и того же города в разных национальных логиках. Следует отметить, что по самой своей природе мифический смысл превосходит непосредственную временную сферу, хотя, очевидно, и не всю временность. В этих случаях мы можем ссылаться на события и «варианты» или предпочтительно различные мифологемы для одного и того же города.

Город как пространственно-географическое образование ни у кого из ныне живущих не вызывает удивления. Жители городов фиксируют свою принадлежность к ним, используя поселенческий контекст, именуя себя москвичами, волгоградцами, новосибирцами и так далее.

Некоторое время назад, горожанин с гордостью противопоставлял себя деревенскому жителю. Селянину. В этом случае проявлялся «культурный» контекст самоидентификации, связанный скорее с политическими нарративами: вспомним первые пятилетки и бурный рост промышленных городов, выступавших мерилем гражданской состоятельности и трудовой необходимости.

Глубокий исторический экскурс погрузит нас в то время, когда город выступал идентификатором и мерилем принадлежности к гражданскому обществу, то есть коллективу граждан, обладающих бесценными, но вполне прагматичными правами/обязанностями. Древние Афины являют собой образец античного городского менталитета («город-это не стены и корабли, а мужи, защищающие его»), средневековый Страсбург – образец средневекового городского образа жизни и представления о том, как должно жить в городе («городской воздух делает человека свободным»).

Ценностные представления социальных слоев, населявших город, задавались, таким образом, ориентирами и установками коллективного и индивидуального сознания, постепенно формировавшими ткань коллективной, исторической и культурной памяти. Об этом в свое время убедительно рассуждал М. Хальбвакс, который видел в коллективной и

индивидуальной памяти культурный опыт, «живую историю», которая возобновляется, выстраивается, транслируется каждым новым поколением, создающим «поле коллективной памяти» [8, с.29]. В это поле попадают смыслы, неявные образы, которые, однако, имеют значение для коллективной памяти и ее носителей. Речь идет о культурной памяти, которая вырабатывается и отражается через объекты, образы и представления, что отличает ее от практики коллективной и социальной памяти. Исследователи трактуют культурную память как перцепцию сознания, чувство связи с предыдущими поколениями, предками, обладающее объективированным характером, абстрагированным от прямых связей с ними [8, с.28].

Культурная память является важным фактором формирования коллективной идентичности. Это происходит потому, что, будучи коллективной памятью, она включает в себя представления о прошлом и все формы его коммеморации.

Культурная память, по мнению многих авторов, связана с взаимодействием памяти, культуры и общества в процессе создания и реконструкции идентичности, передачи институционализованного наследия общества и, таким образом, реконструкции прошлого в настоящем [1]. Однако, как утверждают исследователи, лишь небольшая часть нашей памяти активна, большая часть как бы «спит» внутри нас, активируясь при внешнем стимулировании, материальном или символическом. Об этом пишет А. Ассман [1, с.20].

Человеческая память не способна точно реконструировать прошлое, поэтому нуждается в использовании внешних, материальных, следов, чтобы депонировать свои воспоминания в «материальном» воплощении того, что было раньше, чтобы заполнить пробел между прошлым и настоящим. При активации памяти человек полностью осознает ее, и в большинстве случаев он может получить к ней доступ и использовать ее всякий раз, когда возникает необходимость. В этом случае речь идет о социальной памяти, которая транслирует исторические мемморативы [1, с.25]. И коллективная и социальная память, воплощаясь в ритуалах и символах, объединяется в культурной памяти, продуцируя новые архетипы и мифы.

Именно культурная память, аккумулируя новые культурные дискурсы, формирует новые культурные контексты, трансформируя представления о городах и их названиях. Последние наделяются именами, которые в свою очередь несут огромную смысловую нагрузку, становясь архетипами, подчас не имея возможности сколько-нибудь оступиться, нарушить «честь предков». Имена городов обретают образность, используются в качестве метафор, звучат как культурологические аксиомы: Москва – третий Рим, Афины подразумевают разум и философию, Иерусалим – веру и религию, Рим – извечность и непоколебимость и так далее. В российской культурной традиции складывается еще и экзистенциальное представление о городах: Москва выступает софийным началом (Московосо-

фия), а ее «вечный антагонист» Петербург – содержит в себе логически коннотации (Петербургология) [2].

В этом контексте, интерес представляет работа В. В. Ванчугова «Философия города», где автор рассуждает о «споре интеллектуалов двух городов (Москва-Петербург – Авт.) о преимуществах старой и новой столиц» [2]. В этом споре, собственно, и «закалялась как сталь» «соборность понятий», без которых не возможно было бы говорить о культурной памяти города, на которой строилось (в ретроспективе), продолжает и будет продолжать (в перспективе) формироваться самосознание московских и петербургских горожан. По резонному замечанию В.В.Ванчугова, именно в этом «соборе понятий» представлены «термины из самых разных сфер – из философии, богословия, психологии, живописи и т.д. – вплоть до идеологии градостроительства, что в итоге провоцирует ... на создание модернистских (начало XX в. (Малевич и К) – Авт.) и маргинальных (начало нового тысячелетия) способов описания (модернистские «мысле-формы», как пример – Авт.) и осмысления действительности». Собственно, в них и «концентрировалось» «вербально-образное» восприятие города, в котором (в точности, как у импрессионистов) переломлялось «впечатление» – *l'impression*.

Здесь следует остановиться на таком феномене, как образ города, который, по своей сути, представляет ни много, ни мало – «когнитивную карту» его восприятия. Но поскольку образ а) предметен и б) субъективен, то образ города как минимум, визуален, а как максимум – завязан на систему обыденных и/или необыденных когнитивных установок [4]. С этой точки зрения, образ города представляет собой специфический ментальный феномен. А поскольку сам город также рождает образы, то и образ города и образ, рождаемый городом, как ментальные феномены могут трансформироваться в специфическую «вербально-понятийную» или «вербально-образную» проекцию, которая фиксируется в различных «знаковых системах» – от словосочетаний, типа «Петербург – город на Неве», до узнаваемых образов (конный памятник Петру I). Возможно, по этой причине память города «расходится на цитаты»: когда говорят о Петербурге, например, – его называют «Городом Петра», когда говорят о Москве, – ее называют «Городом на семи холмах» и т.д.

Здесь, по-видимому, реализуется так называемый «когнитивистский» феномен, когда образ города представлен не как личностное, а как «интерпсихическое» представление, описанное в «теории социальных представлений» Л. Леви-Брюлем, «теории социальных представлений» С. Московичи и др.

В городе как сложно развивающемся, конфигуративном смысловом пространстве, в котором существует человек, память выступает ключевой матрицей, маркером Города как места, в своей интерпретации наполняющим смыслом городское пространство обитания человека. Город становится

своего рода мизансценой прошлого, которая нагружена зданиями, памятниками, «объятными» общественными пространствами, заполненными смыслами и историческими нарративами.

Места памяти несут мифологическую, сакральную нагрузку, герменевтически интерпретируя события прошлого и формируя образ мира. Центральные площади с Вечным огнем, монументами отцам-основателям, родоначальникам, демиургам проводят параллель со временем Сотворения мира.

П. Нора, предположивший, что lieux de mémoire (места памяти) являются важнейшим аспектом идентичности и носителями ценностей, однако считал, что они не обязательно географически локализованы [5]. Мы же будем придерживаться локальной тематики, рассматривая именно локусы памяти, территориальные точки, имеющие сакральные и мемориальные свойства. Для России, например, это могут быть Куликовское, Бородинское и Прохоровское поле, «ратные поля России», где в тяжелых сражениях стяжалась «державная» слава. У Р. Дебрэ памятник рассматривается как медиум, переклюкающий зрителя из повседневности в «модус вечности, вневременности» [3, с.22]. Автор справедливо замечает такую особенность памятника, как свойство влиять на зрителя, вызывать у него определенные ассоциации с прошлым, апеллируя к коллективным представлениям о историческом событии. Например, памятники героям сражений символизируют общественное согласие, солидарность по поводу отношения к мемориализованным событиям. Содержание и смысл памятника транслирует осознание коллективной, национальной, этнической идентичности в форме коллективного переживания события и пафоса его визуальной репрезентации.

Места памяти также могут выступать точками отправления ритуалов «светской религии» в виде поклонения вождям (Мавзолей, памятники героям войны, Космоса, трудовых и прочих гражданских подвигов), повторения некогда свершавшихся исторически значимых событий (поля воинской Славы, места массовых гражданских и боевых захоронений, где разворачиваются реконструкторские действия), местами фиксации «священного возникновения» Города («первый камень», стены городского кремля-крепости-цитадели, памятник отцам-основателям). Такими хронотопными действиями в сознании формируется представление о городе как центре мира, а в памяти закрепляется миф об основании мира и социума.

Таким образом, практики, связанные с памятью и символическими нарративами, важны для культурного устойчивого развития не только города, но и исторической и культурной памяти горожан. Многочисленные исторические слои, как слои памяти, во взаимодействии с городской символикой играют значительную роль в формировании городской идентичности и ее будущего. Признание коллективной памяти является центральным аспектом практики городского планирования и имеет центральное значение для формирования городской идентичности. Городская государственная по-

литика должна быть сосредоточена на определении/утверждении городской идентичности, основанной на коллективной памяти людей, культурном наследии и общем согласованном видении будущего.

Таким образом, практики, связанные с памятью и символическими нарративами, важны для культурного устойчивого развития города. Многочисленные исторические слои как слои памяти во взаимодействии с городской символикой играют значительную роль в формировании городской идентичности и ее будущего. Признание коллективной памяти является центральным аспектом практики городского планирования и имеет центральное значение для формирования идентичности. Городская государственная политика должна быть сосредоточена на закреплении городской идентичности, основанной на коллективной памяти, культурном наследии и общесогласованном видении будущего.

К сожалению, историческая память и историческое прошлое уже не являются синонимами. История перестала быть безоговорочным авторитетом, аксиоматически («по определению») основаным на власти фактов и событийного ряда, отчего в современном социуме историческая память деформирована, превращена в «предмет присвоения» и манипулирования сознанием [6, с. 17-28]. В этом и состоит экзистенциальный пафос прозорливости П. Нора, сомневающегося в том, что современность будет предметом памятования в будущем, и в том, что нас будут помнить наши потомки. В его понимании, память должна быть везде, иначе ее нигде не будет. Но, чтобы память оставалась живой, – места памяти должны сохраняться во времени [7]. Это – символы, которые напоминают о ценностях, рассматриваемых как элементы идентичности, без которых нет истории, без которой нет и культуры.

Поэтому проблема памяти, исторической и культурной, по-прежнему, представляет интерес и предмет актуализации.

Список литературы

1. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. / А. Ассман – М.: Новое литературное обозрение, 2018 – 328 с.
2. Ванчугов В.В. Москвософия и Петербургология: философия города. / В.В. Ванчугов – М.: РИЦ ПИЛИГРИМ, 1997. – 224 с.
3. Дебрэ Р. Введение в медиалогию / Р. Дебрэ. – М.: Праксис, 2009. – 368 с.
4. Завалова Н.Д., Ломов Б.Ф., Пономаренко В.А. Образ в системе психической регуляции деятельности. / Н.Д. Завалова, Б.Ф. Ломов, В.А. Пономаренко – М.: «Наука», 1986. – 172 с.
5. Нора П. Проблематика мест памяти / П. Нора // Франция-память. – СПб.: СПбГУ, 1999. – 328 с.
6. Нора П. Между памятью и историей / П. Нора. // Франция-память. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – 328 с.
7. Positive Places of European Memory. – Kraków.: 2015. – 224 p.
8. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс. // Неприкосновенный запас. 2005. – №2.